

МУЧЕНИКИ

РИТА ЛУРЬЕ

Рита Лурье

Мученики

«Литнет»

2025

Лурье Р.

Мученики / Р. Лурье — «Литнет», 2025

Чтобы дать отпор иноземным захватчикам, князь Борислав поднимает из могилы последнюю служительницу забытого культа. Но древние боги не спешат помогать народу, что когда-то променял их на новую веру. Их милость придётся вымаливать слезами и кровью. Когда-то земля принадлежала языческим божествам, жестоким, но справедливым. Была среди них и богиня смерти — Немизра, жриц которой называли хороницами. В 10 лет этих девочек забирали из дома, предавали ритуальному погребению, после чего они были лишь наполовину живыми, наполовину мёртвыми. Они становились проводниками между мирами Сыри и Яри. Но всё изменилось, когда рыцари с Запада принесли в Велигорье новую монотеистическую религию. Прежние боги были забыты, а их служители преданы огню. Лишь Велена — последняя из хорониц избежала участи своих сестёр, похороненная заживо рядом с руинами святилища Немизры. Спустя 200 лет князь Борислав, взбунтовавшийся против экспансии захватчиков с Востока, ищет могилу Велены, чтобы с её помощью и поддержкой старых богов изгнать со своей земли могущественную армию Ханства Тогур.

© Лурье Р., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог.	5
Глава первая.	11
Глава вторая.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пролог.

200 зим тому назад.

Греет сердце образ родимый, да причина встречи горька.

Коль не случись мне к обряду призванной быть, не увидала бы сызнава эти леса, топи, мёртвое озеро да Чёрный терем, где прошли долгих семь зим моей жизни.

Нарекла молва это место недобрым, но мне оно мило. Помню я, как задорно в стылую ночь снег хрустит, а стужа кусает за щёки, стоит ступить за порог по-чёрному натопленного помещения; как протяжно кричит козодой и гулко в чаще ухаёт старый филин; как краснеет от клюквы дрягва на лета исходе. Люди — редкие гости в этой глуши, лишь птицы да звери. Да и другие обитатели этих мест, кого видать можем только мы, хороницы, — не мёртвые, не живые.

Многие страшатся такой судьбы, её бременем и проклятием величают, да мне она была по душе. Будь моя воля — осталась бы в Чёрном тереме насовсем и стала наставницей для новопосвящённых хорониц. Их учила бы уму-разуму, водила тропами, которые любила сама, и показала места, где сказки становятся былью.

Увы, отправили меня прочь: мол, от хороницы, исправно творящей своё ремесло, во внешнем мире больше сыщется проку. Не каждой из нас позволено в Чёрный терем после воротиться. Так и скиталась бы я по всему Велигорью, кабы Богам в своей прихоти не вздумалось подсобить.

Не ведая, отчего вызвали старшие сёстры меня аж из Корчевицы, я прибыла в Чёрный терем к исходу луны и узнала, что имя новой посвящённой — Ярина, а родом она из Старой Сольвы, как и я. Пройдя через обряд, я отринула прежнюю жизнь, полностью служению Немизре себя посвятив, да не забыла, что когда-то у меня сестрёнка Ярина была. Старая Сольва — деревенька в десяток домов, да и возраст сестры был подходящим для посвящения, хотя редко, чтобы из одной семьи брали двух дочерей во служение. Но на всё — воля Богини. Выходит, для того я и здесь, чтобы Ярину через обряд провести, да стать наставницей, как я и хотела.

Сегодня впервые дозволено нам говорить: будущая хороница до посвящения обет молчания блюдёт и постится — на воде и хлебе ячменном. Ярина бледна, исхудала, кожа да кости, срезаны волосы, но глядит на меня с узнаванием: не запамятовала. Мне же тяжело признать в этой девочке свою сестру, ещё малюткой оставленную, которую мать баюкала на руках в нашу последнюю встречу.

– Ты ли это, Велена? – молвит тихо-тихо Ярина, будто за минувший месяц речь позабыла.
– Не узнать тебя. Хороша-то как! А кафтан твой — как у барыни, у супружницы княжеской!

Смеюсь я — кафтан и кафтан, хороший, удобный, да мехом песца отороченный, но всего лишь одёжа. Мне его в благодарность жаловал один князь, когда я его чада облегчила муки, сильно хворавшего да никак не желавшего в Сырь отойти. Только одно одеяние ношу я с почётом — алый хороницы плащ, позволяющий люду сразу понять, кто пред ним.

Не беда. Ярина юна ещё, подрастёт — поумнеет.

– Полно тебе, Ярина, кафтанам радоваться, – говорю я, – чай, не на ярмарке красоваться. Скажи мне лучше, как там наши отец и мать, братья?

– О, Велена, – горько вздыхает сестра, – мать с отцом безутешны, что меня забрали у них. Сначала ты, а после я. Не осталось у них дочерей! Попроси Немизру за меня, чтобы отпустила домой...

Забываю я о веселье, видя слёзы на лице сестры. От самого сердца эта просьба исходит: боятся многие обряда и хороницы участи. Говорили мне, что иные даже пытались сбежать и скрыться в лесу, да там кончину свою находили. Справедлива Немизра, но сурова. Не приемлет слабости духа она.

– Не гневи Богиню, сестрица, беду накликаешь, – осуждаю я, – раз она указала на тебя, так тому и быть. Не вправе роптать ты — особая судьба тебе уготована.

– Да что хорошего в этой судьбе? – восклицает Ярина. – Быть ни жива, ни мертва, ни мужа тебе, ни дитя, ни дома... Вечно по всему Велигорью странствовать да с нечистью якшаться! Правду ль люди молвят о вас? Что вам чужды живые и бесы милее?

«Что правда, то правда», – думаю я.

И волей-неволей приходят на ум годы в тереме Чёрном, когда, блуждая по окрестным лесам и болотам, я со многими зналась из тех, кого люди «нечистью» величают и боятся. Прознав, что служительница будущая — моя сестра, я чаяла отвести её в лес и представить приятелям, героям сказаний, чтобы ей показать, как иначе хороницы видят мир, какими чудесами он полон.

– Всё правда, – говорю я, – нам открыто то, что утаено от других. Мы ближе к Богам. Мы и сами люди — лишь наполовину. Но не страшись этого, Ярина. После обряда у тебя очи отворятся. А я здесь, чтобы помочь тебе. Я научу тебя, как верно Немизре служить...

– Нет, – Ярина трясёт головой, – пощади меня, сестра, помоги убежать! Не хочу я доли такой.

– И куда же ты, скажи на милость, бежать собралась? – спрашиваю я. – К отцу и матери, чтобы их наказали за непослушание твоё?

– Я не знаю, – вздыхает сестра, – быть может, в княжества западные? Я слышала, что туда пришёл другой бог. Говорят, он очень добр...

– Наши Боги добры, – хмуро замечаю я, – прекрати нести всякий вздор. Лучше помолись пред обрядом и попроси Немизру не страшить тебя за эти глупые речи.

– Но Велена... – шепчет она.

Ручьём слёзы текут. Рассудив, что лучше ей одною побыть и обо всём поразмыслить, я выхожу из крошечной комнатки, где будущие служительницы к обряду готовятся.

Много зим назад и я сидела на подстилке соломенной при свете лучины, пылко моля Немизру о благом исходе обряда. Не все девочки выживают: отправляются в Сырь слабые телом и духом. Я же со всем жаром своей детской души желала стать одной из хорониц. Мне мыслилось, что для того я и была рождена.

И я не ошиблась.

Но теперь меня терзают мрачные думы: и в Корчевике слышала я толки о сторонниках божества нового, завезённого с запада. Люди верны нашим прежним Богам, но, как приближённая к ним, знаю я, как страшны они в гневе. Не ровен час, обернутся роптания эти большой бедой для всего Велигорья. Да и разговор с Яриной меня удручил: верила я, что воспримет она храбрее судьбину свою, и будем мы с ней вместе Немизре служить.

Все хороницы зовут себя сёстрами, но то ли кровь родимая?

Покинув Чёрный терем, к требищу путь держу, где почти всё подготовлено для обряда.

Снаружи — благодать: звёзды яркие, морозец хрустящий и снег искристый лежит.

Кличник, отчего-то один, укрепляет стенки ямы свежей. От натуги разругившись молодой весь, да скинул кафтан, оставшись в рубаше, штанах и сапогах. Ожерелье из куриных костей его причастность обозначает к мирской службе Чёрного терема. Пар идёт от кожи молочной, да и в целом он ладно сложен и взгляду приятен. Даже жаль, что хороницу не впечатлить молодым, ярким телом и славной наружностью.

– А где остальные? – интересуюсь я.

Опирается юноша на лопаты черенок и глядит на меня, прищурившись, чтобы рассмотреть в темноте.

– Нет их, остальных, – молвит он, – только я при тереме и остался. А вы, госпожа, красны для нежити слишком.

– А ты болтлив слишком для кличника, – порицаю я, – не мели языком подле свежей могилы, а то станет твоей. Как звать тебя?

– Мирош, – отвечает он, – не серчайте, госпожа. Да и коли я эту могилу займу, кто ещё одну выкопает для обряда?

– Сама и вырою, – говорю я.

– Земля мёрзлая, – предупреждает Мирош, – утомитесь.

– Не утомлюсь, – возражаю я.

Вспоминается мне, как мой обряд посвящения проходил, и я думаю, что земля мёрзлая — куда лучше, нежели лежать в грунтовой воде.

Погребли меня в конце осени, когда в этих местах, где сплошь болота и старицы, не земляца везде, а рыхлая грязь. Глянув в яму, я тогда испугалась, что захлебнусь, и принялась усерднее молиться Немизре, чтобы не допустила такой кончины бесславной.

– Полно воздух сотрясать, – распоряжаюсь я, отодвинув картины былого. – Приведи жертвенное животное. Пора начинать.

«Пока Ярина в лес не сбежала», – заканчиваю я про себя.

Ярина бежать не пытается, хотя по лицу её я понимаю: вовсе не из смирения с уготованной участью осталась она. Ночной зимний лес страшит её больше обряда.

К требишу шествует с низко опущенной головой, чертят слёзы дорожки на щеках её, смывая кровь козлёнка обрядного. Образуется вокруг ворота её белой рубахи из капель узор, словно бусы рябиновые. Молчит она всю дорогу, да, ступив в круг, наклоняется ко мне и глаголет:

– Не сестра ты мне больше, Велена.

– Сестра, – спорю я, – скоро все твоими сёстрами будем.

Надеваю на шею Ярины оберег с костяным знаком Немизры и венчаю короной девичье чело, сплетённой из веток осины и лапок куриных. Вздрагивает Ярина и плотно очи смыкает. Посинели губы её да раскраснелись босые ступни на снегу.

Встаёт она на колени, как и велено.

Заводит старшая из сестёр ритуальную песнь, а мы подхватываем. Напев древний, аки сама ночь, по поляне разносится, переключаясь с глухими звуками барабана из кожи ягнёнка. Передаются слова эти из уст в уста, от сестры к сестре уж много колен.

Сыпет в воздухе одна из хорониц прозрачный звон колокольцев. И даже мёртвое сердце моё, кажется, пробуждается вновь от чарующей красоты и отрадного чувства с сёстрами единения. Словно Богиня сама стоит подле нас. Явственно я ощущаю присутствие, ведь этой ночью Немизра в тело Ярины войдёт, покуда будет та лежать под землёй.

Да исполнится воля Богини!

Краем глаза примечаю я очертания человечьи среди деревьев и, приняв их за слух наострив, понимаю, что это — тот юноша-кличник. Ну и дела!

Не престало смертным за ходом обряда подглядывать, но и прогнать его я не могу: до конца запрещается круг размыкать. Отрок, надо думать, и сам не жилец — кличники, исполненные суеверного страха, как правило, спешат спрятаться в задней комнатке Чёрного терема и не казать носу до рассвета. А то доберутся до них — не хороницы, так дикие звери или местная нечисть.

Огребёт мальчишка за свою сумасбродную смелость! Попадётся шишиморе или хозяину леса — буде ему не до смеха уже. А служительницам придётся в деревню идти, да искать новых слуг, что из-за молвы и суеверий непросто. Мало кто по воле доброй хороницам в быту пойдёт помогать. Простой люд нас боится хуже холеры. Отдаются те, кому нет иного пути.

Напев смолкает.

Берёт старшая из центрального костра котелок с ритуальным питьём да подносит Ярине. Плачет сестра и трясёт головой: исходят от варева пар и густой запах трав. Помню, как тяжело хлебать, ведь не успевает отвар поостыть. Опаляет уста он, словно пьёшь сам огонь.

Делает Ярина глоток — и кричит.

Похлопывает её старшая сестра по плечу. Глотая слёзы, вновь приникает Ярина к котелку и хлебает — глоток за глотком, вкушая отвар из белены чёрной, горькой полыни, болотного лопуха и праха наших почивших сестёр.

Отмеченные Немизрой, не умираем мы от старости али недуга, но уязвимы перед сталью и огнём. Обьезжает на исходе лета одна из нас все княжества Велигорья, справляясь об участии сестёр и собирая останки для сохранения в Чёрном тереме.

Последней сестрице, уступившей место Ярине, голову отрубил южный князь. Говорят, прельстился он красой её и осерчал, встретив отказ.

И холоп, и крестьянин, и воин, и знатный мужчина — для нас лишь будущие мертвецы. Молва не врёт: не имеют хороницы со смертными дел, кроме службы Богине. С почестями упокоить, отпеть да оплакать — можем мы, но не ложе согреть. Мы — вечные девы, а кто нарушит обет целомудрия, ощутит на себе весь ужас гнева Немизры.

Осушив котелок, Ярина падает и упирается ладонями в снег.

Мешаются пот, слёзы и кровь на лице. Вырываются облачка из приоткрытого рта, ещё тёплые. Скоро, как и все мы, перестанет дышать она. Готовится тело её Богиню принять — осталось лечь в сыру землю да дожидаться крика первого петуха.

Подсобляем Ярине мы с сёстрами преодолеть путь до ямы. Она слишком слаба, чтобы противиться, но вижу я смертный страх в её помутневших глазах. Шевелятся губы её, словно произнося заклинание.

«Началось, – ликую я, – началось! То Немизра её владеет устами!»

Распластавшись на дне, Ярина веки смыкает. Выглядит, будто уже померла.

Мы по очереди осыпая землицей её, со снегом грязным перемежавшейся.

– Прими своё новое рождение, сестра, – провозглашает старшая из нас, последнюю бросив пригоршню.

Догорают костры. Все расходятся, окромя меня. Остаюсь я подле могилы Ярины, да чудится мне, что плачет она под слоем земли. Стихает вскоре звук, сменяясь тишиной звенящей зимнего леса.

Кажется снег ещё белее, когда смыкается мрак. Гаснут окна Чёрного терема – то сёстры тушат лучины, чтобы вплоть до утра молитвы Немизре возносить о благополучном исходе обряда.

Шёпотом я взываю к Богине. Прошу не гневаться на Ярину за слабость. Она почти что дитя. Никто из нас не готов был ступить на этот путь в свои десять лет. Терзают всех сомнения и страх, да принято их держать при себе. Лишь малодушные ропщут открыто.

Повторяя нараспев одни и те же слова, я грежу наяву. Но будит меня не крик петуха в курятнике за Чёрным теремом, а голос человеческий.

Зовёт меня кто-то да трясёт за плечо.

– Просыпайтесь, просыпайтесь, госпожа, – не сразу я говорящего опознаю, а разлепив веки, вижу того самого кличника, крошечной темнотой окружённого. Звезды и те за тучами скрылись.

Награждает Богиня нас особенным зрением – зрением нечисти, кабы не оно, не рассмотрела я, кто предо мной, и пустила в дело ритуальный кинжал, что всегда ношу под плащом.

– Что тебе надобно?! – сержусь я, – ступай прочь, смертный, а то Богиня накажет или бесы лесные возьмут.

– Ох, госпожа, – вздыхает кличник, – не бесов бояться надо, а людей. Сюда идут. Не знаю, кто такие, но при них оружие и факелы.

– Люди? – я смеюсь, – ну ты, дурень, скажешь. Откуда ж им взяться в лесу? Жители окрестных деревень ночью из дома не ходят, да и минуют Чёрный терем дорогой дальней...

– Чужаки, – перебивает молодец, – неместный говор у них. Да вставайте же! Предупредите сестёр, мне вход в терем заказан.

Коль не услышала бы я голоса слухом звериным, не поверила бы. Слов не разобрать, но шумят люди изрядно – злобно и взбудоражено.

Показываются вскоре и отблески факелов вдали за деревьями. С места я вскакиваю, да к терему не поспеваю: стрела горящая вонзается в чёрный брус над крыльцом. Барабаню по двери и приткно шмыгаю в темноту.

Затаиться приходится: высыпает чужаки на поляну — и их тьма-тьмушая. Держат мечи многие наизготовку, другие луки, третьи факелы, в гладких панцирях нагрудных отражающиеся. Не видала я прежде такого. Князя с их дружинами кольчуги носят, а не сплошные из металла одёжи. Да и речь, донесшаяся до моих ушей, чужеземная. Но есть среди гостей незванных и жители Велигорья – опознаю их по платью и говору, хоть и не могу расслышать, о чём толкуют они меж собой.

Мчится к терему эта толпа да ломится внутрь. Помешать порываюсь, но откуда-то вновь является кличник, и, ухватив меня, увлекает в темноту. Сбивчиво дышит он, а сердце его барабаном стучит. Вырываю я у него кафтана рукав и стукаю юношу по груди.

– Тише, – требую я, – тише, смертный.

Втягивает он воздух и, прикрыв рукою лицо, дыхание сдерживает. Я прислушиваюсь, силясь отделить голоса чужеземцев от велигорцев голосов.

– Выходите, гнусные ведьмы! – кричат они, колотя в дверь Чёрного терема, – бесовские отродья! Вы поплатитесь за то, что крадёте детей! За всё поплатитесь! Пред Мученика ликом предстаньте!

Прошибает холодный пот меня с макушки до пят – доводилось уж слышать это слово в Корчевице. Так величали нового Бога, пришедшего с далёких земель. Да откуда у него в Велигорье сторонники, где люди верны своим старым Богам? И как только дерзнули эти глупцы пойти против Богов – и не абы кого, а самой Немизры?

С оружием в Чёрный терем явиться!

– Немизра, своих врагов умертви, — шепчу я, складывая длани в молитвенном жесте, — небо разверзни, Стреговит! Испей кровь чужаков, Ратобор...

– Буде, – останавливает меня кличник, белый, как лунь, от испуга, – бежать надобно, госпожа. На Богов рассчитывать, да самим не плошать, как говорят. Не справиться нам с этой оравой...

– Ах вот оно-те как! – сержусь я, – коли на Богов не рассчитываешь, то пожалуй к чужакам. Чего в сторонке отсиживаешься?

– Да нет же, госпожа, – возражает юноша, – я в Богов верую, но силы наши сейчас не равны. Прошу вас...

Иссякает само собой желание препираться с этим гадом ползучим: находят чужаки могилу Ярины. Коль билось бы сердце моё, так замерло бы. Леденя от ужаса, я наблюдаю, как вокруг ямы мечутся тени.

Представить страшно, что с Яриной случится, если не соблюдутся обряда условия. Перерождению её не бывать! Сгинет! Иль, хуже того, из земли выйдет созданием нечестивым, настолько омерзительным, что сам её вид прогневает Богов.

Чёрный терем уж огнём объят, да так и не вышли из него сёстры. Вздвигаются языки пламени выше сосен, обступающих полянку кольцом. Становится ярко, как днём.

Вижу я, как чужаки с лопатами ворочаются. Грызёт полотно ржавое рыхлую землю. Летят во все стороны комья грязи. Не выдерживаю, вскакиваю из укрытия, заносю ритуальный кинжал над головой. Пусть я погибну, да не одна! Прихвачу с собой парочку-другую поганцев.

Не могу я стоять в стороне, пока они тревожат Ярину!

Извлекает её из земли молодец в латах чудных. Сходятся тени чужаков вокруг них. Не видать мне сестру за их спинами. Да без того я знаю, что поздно. Не слышен стук сердца её, но и хороницей не стала она – прервался обряд. До рассвета далече ещё. Небо цвета сажи.

Обращаются все взоры на меня.

– Ведьма! – разбираю я в гомоне голосов язык велигорцев, – ещё одна! Держите её!

Бросятся ко мне полчища врагов, и, размахивая кинжалом, раню я их везде, где могу дотянуться. Отлетают конечности отсечённые, на снег хлещет кровь из перерезанных глоток, словно рассыпаются всюду ягоды клюквы или брусники, коими так богаты болота в окрест. Опускается дым от горящего терема, и всё смешивается в пёструю круговерть. Рычу я и проклятья твержу: порешила уж, наверное, дюжину. Да они побеждают: выбивают кинжал, лупят, тянут за косы и плащ, толкают на снег.

– Куда её?! – спрашивает ближестоящий, кивая на терем, в жертвенный костёр обратившийся, – в пекло!? К гадинам остальным?

– О, нет! – возражает ему другой, – говорят, эти гниды не подышают, покуда башку не отрубишь. Вот пусть и гниёт!

Швыряют меня на дно опустевшей могилы. Хватаюсь за коренья, выступающие из земли, карабкаюсь, да без толку всё. Тянет от дыма в груди. Слабеет побитое тело. Соскальзывают с почвы оледенелой персты. Падают сверху комья земли, да придавливает она меня весом своим. Всё прочнее становится её слой – уж и неба не видно, и звуки утихли. Смыкается тишина, будто я слуха лишилась, да темнота вокруг, словно ослепла.

«Смилостивься, Богиня, – про себя прошу я, – даруй смерть».

Но глуха она к моим мольбам.

Боги в эту ночь от нас отвернулись.

Глава первая.

200 зим спустя.

Каждое утро Борислав крадётся, словно вор, чтобы никем незамеченным поглядеть, как стелется туман над рекой Леденицей да просыпается город Белояр, раскинутый вдоль её берегов, и лишь после приступает к делам насущным. Время, проведённое в уединении и раздумьях, помогает ему обрести мир с собой. Хватает у князя забот, но, стоя на деревянном мосту над водой, чувствует себя он подобным простому люду. Да и вид этот глазу приятен: темны очертания города под небом цвета перламутра речного; ветви деревьев, что кружево, да птицы кружатся.

Только сим утром на сердце тяжко. Ворочается Борислав, погрузившись в невесёлые думы. Сами собой поминаются сказания, много зим назад читанные в одной старой грамоте. Потому не идёт князь в светёлку к Милораде или дочурке Ясне, а держит путь в клеть, где живет княжеский писарь Тихомир, хранящий все книги да свитки.

– Ясен день, княже, – приветствует Борислава грамотей, уже бодрствующий в такой ранний час, – чем могу услужить?

– Скажи, Тихомир, не имеется ли у тебя грамоты той, где записаны всякие сказочки? – вопрошает князь, – помнится, была ещё при моём родителе. Старая-старая, рукописная.

– Ах, это, – понимает писарь, нахмутив брови, – а почто вам? Малютке читать, как Милорада разродиться? Уж не Ясне же? Ей приданное уже собирать, какие сказочки? Да и другое у молодых нынче в почёте. Не изволите ли лучше последнее писание об истории Ханства? Гостям польстите.

Бормочет Тихомир себе под нос, перебирая бумаги в сундуке из потемневшего от времени дерева, таком старом, что предмет этот застал, поди, ещё дедушку князева. Отворачивается пока Борислав к узкой бойнице, выходящей на башни и луковичи кремля белоярского. Чудится опять ему эта чёрная птица, виденная утром на реке. Нет её, да так и стоит пред мысленным взором. Никак не выбросить из головы сие явление.

– Нет, – молвит Борислав, – ворона зрел, да вспомнилось... что когда-то их за посланников богов почитали, а потом, как богов не стало, за вестников беды. Захотелось отчего-то найти эти строки, взглянуть, как там было.

Прерывается Тихомир и взирает на Борислава слеповатыми от чтения своими очами. Перебирают грамотки пальцы его.

– Что вы, княже, как дитё малое? – осуждает писарь, – негоже мужу мудрому на суеверия эти уповать. Надобно вам в Предел сходить, помолиться, коли на душе смута, а не ответа в книгах искать. Наставит вас Мученик. Не престало беды страшиться, положено её с открытым сердцем встречать.

– Правду глаголешь, – соглашается Борислав, – да и дел невпроворот. Но ту книжицу про Ханство сюда давай, полистаю. На нашинском языке, я надеюсь?

– Обижаете, княже, – смеётся писарь, – новый перевод прямиком из столицы привёз. В Свеченном граде расходятся только так, еле раздобыть удалось. Да очень уж просила ваша супружница.

Протягивает Тихомир князю книгу толстую в кожаном переплёте. Думает Борислав, по тиснению золотому на обложке пальцами проводя, что не по вкусу ему увлечение Милорады повестями о Ханстве, как и всем, что с ним связано. Да что поделаешь? Супруга его – женщина мудрая, образованная, умом не обделённая. Бориславу бы у неё поучиться – почитать своих новых хозяев, а не терзаться треволнениями из-за обыденных явлений.

Птица и птица.

Но на душе всё равно беспокойно.

Ожидались гости с утра, да поспели к обеду – из-за оттепели опять развезло все дороги, вот и добирались посольские дольше срока. Град Белояр – не столица, в окрест сплошь боры, да болота, деревень – и тех два десятка, и нигде не имеется годных постоянных дворов. Избегали всеми правдами и неправдами люди Хана соваться в край этот дикий, но раз в год – и то нужно, справиться, как здесь живут, и собрать оброк Круга.

С него и начали по прибытию, а после скрылись в палатах, отведённых гостям. Мол, положено с дороги отдохнуть хорошенько – десять дней в пути из Свечного града, где теперь сидит не Старшой князь, а сам Хан с его приближёнными.

Мечется Ясна по сениям княжеского терема, жаждающая хоть одним глазком взглянуть на гостей, пока нянечка не сводит девочку в её светёлку, дабы не путалась под ногами у холопов, готовящих праздничный пир.

«Вот и славно, – думает Борислав, до того украдкой наблюдавший за дочуркой, – сохраннее будет».

Не внушают ему тёплых чувств столичные гости, чужие они.

Чудные у них говор и одёжа, но, что хуже, явился в этот раз не абы кто, а младшой отпрыск Хана, прославленный своей жестокостью. Доходила до Борислава молва, что лишь за приём недостойный вырезал Тогур-Шейр всё семейство князя западного вместе с ним самим.

Пусть в почёте у терпяков невинно убиенными быть, да не хочется Бориславу такой судьбы своим супруге и дочке. Чаёт Борислав на свадьбе Ясны пировать, когда та подрастет, да возиться с дитём, что Милорада под сердцем носит. Стыдно князю за малодушные мысли, но и прогнать их не под силу.

Помолиться бы... да покаяться дьяку терпяческому.

Обещает себе Борислав до Прихода дойти и душу облегчить, как гости отчальят.

А пока успокаивает себя князь, что повинна во всём треклятая птица, смуту она на него навела.

Идёт Борислав к Ясне в светёлку, да застывает в дверях, глядя, как танцует дочурка. Да дивится её странным движениям: не пляшут так на пирах в Белояре, словно бесы вселились. Гибкий стан Ясны змеей извивается, ходят руки и ноги, как в лихорадке. Лицо покраснелось, выбились волосы из длинной косы.

Не захворала ли?

– Что ты делаешь, дочка? – спрашивает Борислав. Останавливается Ясна, да, смущённо потупив очи цвета каменье малахитовых, поправляет измявшийся сарафан.

– Научаюсь танцу ихнему, тятя, – отвечает княжна, – чтоб услужить господину.

– То есть... кривлянья эти, выходит, опять что-то ханское? – хмурится Борислав, – и откуда ты только про это прознала?

– Как же, тятя, – изумляется Ясна, – всем это ведомо... ах, ну да.

Будто с осуждением звучит её голос. Переминается она с ноги на ногу. Хороша, что погожий весенний денёк. Ещё лето – другое, да на выданье.

– Стряслось что? – волнуется князь.

– Ты ж не ходишь с нами скоморохов смотреть из столицы, – молвит девочка с лёгкой обидой, – занятой весь. Так бы знал, что за танцы в Свечном граде танцуют.

Потешают Борислава обвинения дочки: уж куда ему!

Коль все помыслы заняты неурожаем, рыбалкой, да выделкой шкур, чтобы поспеть собрать к Оброку всё нужное, невдомёк забавы столичные. Забавы Хана и его соплеменников, чуждые жителям Велигорья. В пору, когда Борислав был ещё юн, к веяниям чужеземцев отнесились с опаской. Новому поколению они пришлись по душе. Вон – его, бориславова, дочь, плоть и кровь, да и та не вспомнит имени деда и как-то не спрашивала, грамоту не изволит учить, но с охотой пляшет бесовские танцы. Да наряд себе требует по уставу ханскому.

«На всё воля Мученика, – уверяет себя Борислав, – поучаться бы тебе кротости».

– Хорошо, свет мой, – смягчается он, – давай показывай мне свои пляски.

– А вот и нет! – спорит Ясна, – на пиру покажу.

– Мала ты, чтобы туда идти, – говорит Борислав, – не престало незамужней девице среди чужеземцев кривуны водить, аки шут.

Поражается он, что такое сказал. Голос жёстко звучит, да озлоблено. Вроде как – ничего ему гости не сделали, почему тогда так немилы?

Ясна мигом мрачнеет и вот-вот прольёт слёзы. Влажнеют глаза её малахитовые, а пухлые губки дрожат.

– Но матушка мне позволила! – кричит она, – тятя, молю! Я так долго ждала...

– Матушка позволила, а я запрещаю.

Уходит Борислав, покуда дочь не разревелась белугой, не в силах на её горе глядеть.

Направляется он к супруге в светёлку и находит её подле сундука.

Примеряет Милорада одёжу пред медным зеркалом, крутятся так и эдак. Застывает князь, любясь женой, забывает сразу, с чем пожаловал. Нет во всём Белояре девы краснее, чем его Милорада! Да не шитый жемчугами кокошник и праздничный сарафан её красят, а мягкий румянец и дитяtko, что она носит под сердцем. Её ланиты – что спелые яблоки, очи – изумруды, а волосы – золотой заморский шелк.

– Хороша девица на выданье, – смеётся Борислав. Милорада лукаво глядит на него в мутном отражении. – Чай не за ханского сына собралась?

– Чай за него, – откликается она, – опостылело торчать в глуши, хочет девица блистать на столичных пирах.

Напоминают князю её слова разговор с дочкой, и гаснут восторги от красоты супруги. Снова полнится голова тревожными думами.

– Не для того ли девица учит чудные плясные приёмы? – спрашивает он.

Сходит улыбка с уст Милорады.

– Ах, опять ты за своё! – вздыхает она, – а ведь славились прежде князя Белояра гостеприимством своим! А ты нос воротишь от наших добрых друзей.

– Не друзья они нам, а хозяева, – напоминает Борислав, – за Оброком Круга явились.

– За Оброком так, да за Оброком, – соглашается Милорада, – но без них мы бы под царьками с Запада хаживали. Всем обязаны Хану. За всё ему низкий поклон.

Поклоняется она на Восток, отчего у князя щемит в груди. Примирился он с правлением чужаков в Велигорье, да воспринимает то без восторга. Страшат его ханцы пуще напасти западной. Те хоть были свои, белолицые, веру Мученика исповедывающие. Эти же – чудные, с чудными обычаями. Коль держались бы от Белояра подальше, то шут с ним, да на порог явиться им вздумалось.

И нет бы просто наместник какой, так сам ханский отпрыск!

Не к добру это.

– Помолиться бы тебе, князь, – продолжает Милорада, – нет смирения в твоей душе. Мученик нам повелел всё встречать добром, да с лёгким сердцем. Что за напасть тебя одолела? Рассказал мне Тихомир, что ты грамоту особую у него попросил.

– А с чего бы писарю о моих делах отчёт пред тобою держать? – напрягается Борислав.

– Не отчёт, – мягким голосом возражает супруга, – заходил грамотей, приносил твою требу. Вон она – под периной лежит, кабы кто не увидел.

– Под периной? – изумляется князь, – что позорного в книге со старыми сказками, почто ты запрятала? Прежде память о предках в почёте была!

– Прежде, – повторяет Милорада, – десять зим уж минуло, коли не больше. Ныне все, кто грамоту знает, читают повести Ханства. И тебе бы не мешало, а то невеждой прослынешь пред дорогими гостями! Надобно знать их обычаи!

– Не желаю я знать их обычаев! – вырывается у Борислава, – да и видеть их здесь не желаю! Вам с Ясной всё наряды, да забавы, а мне Оброк собирать! С каждым разом боле и боле алчут эти бесы, но наш край совсем не богат! Что им дать? Как изготовить столько пуш-нины, растить урожай на обледелой земле, да рыбу ловить, кабы хватило и на подать, и народ прокормить?

– Бесы, – говорит Милорада, темнея лицом, – бесы твоими устами владеют, муж мой, раз позволяешь себе ты подобные речи. Бесы! Это ж надо такое сморозить!

В гневе уходит она.

Бросается Борислав к брачному ложу, и, просунув длань под перину, шарит в поисках книжицы. Обтрепался совсем корешок, да пожелтели страницы. Не чета эта старая грамота повестям ханским, что теснятся на станках, привезённых с Востока, на бумаге из шелка. Сей ручной труд ещё при княжеском тятё с другого источника переписывался. Ведь любилося тогда всем сказанья народа своего поминать.

То прошло.

Удаётся Бориславу сыскать нужное место, да не сразу. Пусть обучен он грамоте, но трудно читать: буквы мелкие, витиеватые, боле на древние руны эти закорючки походят.

«... расколото было в ту пору Велигорье, что битый сосуд, на множество княжеств, да правили ими не люди, а божества. Семеро было их... Старшой Бог – Стреговит в ответе был за природу и всё сущее в Яри... снисходил он в образе филина белого ... Ну а Сырюю ведала хозяйка смерти Немизра... чёрный ворон был у неё во служении. Кому явится – тот уже не жилец, надобно со дня на день хоронищу ждать».

Как бы не супротивился князь, Ясна всё же приходит на пир, да не отсвечивает, а тихонько восседает в уголке женском. Примечает князь, что поглядывает с интересом на чужеземцев дочурка, да оробела. Одно дело – скоморохи столичные, другое – сами хозяева новые. Прежде не просились на пир их наместники – забирали своё и отчаливали. А тут возжелали яств белоярских отведать, да на быт северян поглазеть.

Заседают теперь за столом всей оравой.

Во главе младшой хан Тогур-Шейр, молодец жилистый, желтолицый, очи смоляные, углём подмалёваны, хладные; нос, аки птичий клювик; да ряжен гость в шелка и вышивки заморские, что девица какая. Шاپочка соболиным мехом оторочена, а подвески из монет серебряных чело покрывают. Держится ханский отпрыск с особым достоинством: почти не глаголет, только глядит на всех снисходительно, да подносит пищу ко рту хитрым тем приспособлением, что у чужеземцев в почёте. Предлагали гости и северянам попробовать, да не управиться им с этими приблудами, на древки стрел походящими. Руками трапезничать всё же привычнее. Забавились с этого гости. Перевел толмач, что для них это – «варварство».

Да и не сразу младшой хан кушанья в рот несёт, а сначала специальному человеку даёт на пробу, что оскорбительно для Борислава. Чтобы гостя травить при князьях Белояра – уму неслыханно!

А ещё глядят свысока и медовухи не пьют!

– Вы не сердчайте, княже, – шёпотом говорит Тихомир, заметив смятение князя, – так у них принято. Да и яства наши в новинку. Другое к столу подают при ханском дворе.

Тихомиру известно поболее об обычаях Ханства, нежели Бориславу, да и слов их языка он понабрался в поездках в Свечной град. Князь чуть успокаивается. И украдкой дивится гостям.

Окромя Тогур-Шейра и толмача-велигорца прибыли советник младшого хана, да его дружина в чудных одеяниях. Советник – дряхлый старик, сморщенный, аки тухлый фрукт, весь увешанный амулетами да украшениями на ханский манер. Отчего-то именно он у Борислава вызывает большую неприязнь. Так и хочется князю подойти и подёргать того за усы, будто у речного сома. Достают они почти до стола. А глаза у старца узкие-узкие, что их совсем не

видать. В тусклом чаду свечей из тюленьего жира чудится, что глаз вовсе нет, одни провалы бездонные под кустистыми седыми бровями.

Наконец завершается трапеза, проведённая в тишине, нарушаемой лишь звоном металлических кубков, да чавканьем гостей и дружины бориславовой. Сам же князь, что на головнях сидит, и не лезет кусок ему в глотку. Медовуха горчит, а оленина тушёная кажется жесткой, словно невыделанную кожу жуёшь.

Уповает Борислав, что на этом все разойдутся: и хоть час ещё ранний, но быстро спускается тьма в Белояре. Уже не видно ни зги. Свечи и те почти прогорели. В горнице душно, да стоит густой мшистый дым, от которого голова чуть кружится.

Поднимается с места Тогур-Шейр, отвешивает поклон на ханский манер, длани сложив, и частит что-то на певучем своём языке. Принимается толмач за работу.

– Благодарствую, князь, за тёплый приём, – медленно подбирая слова, молвит он, – по нраву моему господину у вас в гостях: вкусно потчуют, да приятен град Белояр. Не видал господин прежде природы северной во всей красе. Спрашивает только – всегда ль тут так холодно?

Пихает Тихомир князя в бочину, чтобы тоже встал. Кланяется Борислав, дожидаясь паузы, чтобы слово держать.

– Передайте вашему господину почтение, – говорит он, – отрадно, что всё любо. А что до холода – сейчас только осень, дальше хуже пойдёт, но привычен наш люд к морозам трескучим, да стуже. Снегу валит столько, что подклетов не видать...

«Верно-верно, – думается князю, – расскажу им про зимы суровые наших, чтоб впредь отбилась охота соваться в Белояр».

Поворачивается толмач к Тогур-Шейру и переводит всё, Бориславом сказанное. В это время выпрыгивает Ясна со скамейки своей, да мчит к середине палаты. Поклоняется перед гостями.

– Господин, господин! – восклицает она, – погодите, я вашу ханскую пляску освоила!

Глядит Тогур-Шейр на девушку с легкой улыбкой на узких устах. Обнажаются зубы маленькие, словно жемчуг, отчего делается он на зверя похож. Ни дать, ни взять, россомаха или куница!

Напрягается Борислав, да уж поздно останавливать дочку. Что же... Пусть потанцует. Да и гости не против: уж хлопает в ладоши ханский отпрыск. В след за ним и вся его свита.

И отплясывает Ясна, что одержимая, покуда нянечка не подбегает, чтобы её увести. Тогур-Шейр раздражается смехом. Что-то тихо глаголет, склонившись к советнику своему, а тот головою кивает.

Обращается после уже к Бориславу.

Толмач начинает:

– Удружила девица своим танцем потешным. Это ж кто её обучил?

«Как потешным?» – возмущается про себя Борислав. Разве ж не все в Ханстве исполняют такие бесовские движенья?

Девочка, значит, старалась, душу вкладывала, а им всё – забава?

Готов князь претерпеть все их причуды, но не обиду, нанесённую его родной крови.

– Сама обучилась, – кисло говорит он, – хотела понравиться.

Выслушав его ответ, Тогур-Шейр довольно кивает. И опять говорит.

– Красна девица, ни дать, ни взять, – переводит толмач, – да лишь тень от красы материнской. Супружница ваша, князь, что ясно солнце среди хмурых туч. Не сыскать такой особы ни в Ханстве, ни во всём княжестве велигорском...

– Передайте мою благодарность, – вставляет Борислав, косясь на Милораду, притихшую в своём углу. Только ханский отпрыск ещё не закончил – все лопочет и лопочет на своём языке.

– Интересуется мой господин, не окажете ли вы любезности, князь, попотчевать его ещё одним блюдом? – выдает толмач и заливаясь краской с макушки до пят, – холодны, надо думать, ночи в Белояре. Не согреет ли ваша супружница гостю постель?

Теряется князь, не зная, смеяться или плакать. Что это, потеха какая, такое просить? В Велигорье не принято с чужой женой возлежать, но что принято в Ханстве...

Так и стоит Борислав ошалевший, покуда Тихомир не склоняется ближе, чтобы объяснить:

– По их обычаям знатный муж может взять себе сколь угодно жен, да и любую девицу пригласить в покои, коли понравится, – торопливо говорит он, – не признают они велигорские брачные клятвы, ведь даны они пред лицом Мученика, а они в своих Идолов веруют. Благоразумие надобно проявить, княже. Что вам – одна ночь. Если осерчает ханский сын – несдобровать нам...

– Вздор! – тихо возмущается Борислав, – да где ж это видано?! Нет... это... это...

Пальцы князя сами собой ищут клинок в ножнах, обычно пристёгнутых к широкому кушаку, но не положено с оружием на пиру появляться. А жаль! Представляет Борислав, как прольётся кровушка ханская да прямо на скатерть.

Все замирают.

Лишь гуляет сквозняк, и северный ветер завывает снаружи.

Время идёт.

Плавнo покидает место своё Милорада, да плывёт к гостям походкою лебединой. Покорно склоняет чело, кокошником жемчужным увенчанное. Золотая коса лежит на плече. Сарафан цвета снега. Хороша, что духу тесно в груди.

– Передайте, господину, что будет исполнена его треба, – молвит она, а затем приближается к Бориславу и кладёт длань ему на плечо.

– Помолись за меня, муж мой, – шепчет она, опаливая щеку князя дыханием, – на всё божья воля. Сегодня не ханский сын, а сам Мученик выбрал меня пострадать за нас всех. Я приму это с почётом.

Распрямляясь, она машет холопам. Отдаёт приказ:

– Подготовьте гостю покои, перину и самые тёплые шкуры. Натопите, как следует. И омовение в бане для меня.

Все расходятся, лишь Борислав остаётся за длинным столом. Наливает себе медовухи дрожащей рукой, да выпивает, не почувствовав вкуса.

Не идёт этим утром на реку князь, а спит до полудня. Всю ночь маялся Борислав, и только к рассвету его сморил сон. Лишь в тот час, как смолкли крики и плач Милорады, разносящиеся по всему терему княжескому. И не ревность терзала Борислава, а страх за супружницу. Так вопят от мучений, не от постельных утех.

Он пытался молиться, да молитва не шла. Повторял, что безумный, свои обращения к Мученику, пока не оставил затею сию. Приписал это мысленно к списку своих прегрешений для грядущего похода в Предел.

Но насмешкой звучали слова:

«В страдании есть избавление от греха. Терпите, да после смерти все лишения вам восполнятся».

«И кто только такое придумал?» – гневался князь. В поисках утешения, он извлёк из-под перины ту книжицу, стал читать в свете лучины и так потихоньку заснул. Вот и снились ему старые боги, да бесы, коими прежде была полна земля велигорская. Ждал князь, что явится Милорада к нему, разбудит, и они вместе помолются, но она так и не пришла.

Пробудившись, Борислав сразу мчит справиться о жене.

Узнает, что гости уж потрапезничали, да сбором Оброка занялись на рыночной площади Белояра. И ему, князю, не мешало бы поприсутствовать, но не хочется на их хари смотреть.

Спрашивает он о княгине у домово́й девки, к ней приставленной, да та взор отводит и молчит. Мечется князь по всему терему, и только писарь Тихомир держит ответ. Милорада ещё в тех покоях, где с ханским сыном была.

Пока не выходила.

И не вышла бы: распласталась княгиня среди шкур, разметала руки лебединые и волосы золотые. Направлен взгляд пустой в расписной потолок. Кровь повсюду, словно ночью здесь было сражение ратное. Трясет тщетно Борислав супругу за плечи, да целует в чело. Бездыханна она, холодна, как зимнее утро.

Не помня себя, князь хватает клинок свой, прежде вражеской крови не знавший, и в чём был, без кафтана, без шапки, бежит искать того, кто повинен в смерти Милорады и их нерождённого чада. Жаждет Борислав отмщения и справедливости. Тут уж не до молитв.

Застилает гнев всё пеленой.

Мороз студит слёзы на щеках.

Вот он – выро́док хановский, как и накануне, доволен собой. Восседает средь площади, окружённый стягами и знамёнами чужеземными, держат грамоту податную пальцы в перстнях. И советник с ним, и толмач. И вся дружина.

Продирается Борислав сквозь толпу, да хватают его люди ханские, отнимают клинок. Князь стоит, сотрясаясь от беззвучных рыданий и холода, а подручные Тогур-Шейра подносят тому изъятый меч. С интересом оглядывает он его, прежде чем бросить к остальному добру, идущему к Хану.

Улыбается сволочь!

И говорит, говорит, говорит.

– Славный клинок, – переводит толмач, – только что же вы, князь, одеться то не потрудились? Воздух стылый. Так ли горяча кровь северян? Иль спешили? Да мы никуда не торопимся, почивали бы себе преспокойно, много вашего напитка медового, надо думать, накануне испили...

– Гнида! – перебивает Борислав, – скотина узкоглазая, ты почто мою княгиню убил! Отвечай! Снесу твою дрянную башку! Падла! Сволочь желторожая!

Бегло мечутся глазёнки мелкие толмача. Не осмеливается он втолковывать Тогур-Шейру велигорскую ругань. А тот сидит, склонившись вперёд, на колени локтями опершись, да ждёт терпеливо.

– Переводи, – требует князь, – всё, как я сказал! Пусть ответ держит!

Нерасторопно, путанно, бормочет толмач.

Слушает ханский отпрыск и кивает, хмуря брови. Почёсывает редкую бородёнку на гладком, широком по-детски лице. А как взгляд переводит на Борислава, то становятся злыми его черты, словно хищник добычу учуял.

Молвит всего несколько слов на своём языке.

– Что он сказал?! – торопит князь толмача.

– Бросить в темницу, а если дословно... – кашлянув, отвечает он, – то «уберите прочь этого шута».

– Сам ты шут! – взрывается Борислав, – чучело ханское! Разоделся, очи намалевал, что девка! Посмешище жалкое! Не место ему на нашей земле! Вставай север, вставай Белояр, вставай Зиморось! Не потерпим измывательства чужеземцев!

Молчит толпа, расступаясь, да головы опускает, пока волоком тащат кричащего князя. Никто не встает. Лишь Мученику молитвы возносят одними губами, чтобы ханское посольство не слышало. Принять просят к себе беспокойного князя, да наставить на верный путь.

«В страдании есть избавление от греха».

Не доводилось Бориславу прежде в темницу спускаться. Добрым князем он был, милосердным, да справедливым, избегал сие место всеми путями. Коли кто провинится – распоряжался выпороть и отпустить, не неволить. А терпяки только рады – им в сладость мучение, когда ивовый прут по заду голому ходит. После все в Предел ударялись молиться, а домой возвращались чистыми, облегчёнными.

Слышал Борислав, что при старшом князе было иначе, тот с повинными не церемонился, да не сильно жаловал веру новую. Поговаривали, что тайком возносил требы старым богам, да не видел Борислав отца за этим своими глазами. Молва многое говорит, нечего уши развешивать. Так то тятя исправно являлся в Предел, да повинную приносил. Мудрый был. Сильный правитель.

Не позволил бы он разгуляться чужим на своей земле.

Чтобы князя северного, аки душегуба какого, в темницу кидали!

Отволакивают Борислава люди ханские в подземелье, скрытое под белоярским кремлем, и бросают на каменный пол. Закрывается с лязгом клеть. Воздух влажный и сырой, темно, что глаз выколи. И уходят – оставив князя злиться впустую. Кричит он проклятия во след, покуда шаги на узкой лестнице не смолкают.

Смыкается вокруг тишина, лишь где-то капает с потолка, медленно, монотонно.

«Вот и всё, – думает князь, – подержат меня, пока подать собирают, а потом и голову долой».

А что же Ясна?

Какая участь её ждёт?

Тяжко на сердце у князя. Глубоко сожалеет Борислав, что на ханского гада накинута, не подумав о дочери. Только тятя у неё и остался. Кто ещё её защитит, когда Милорада почил?

В это верится неохотно, да встаёт пред внутренним взором картина ужасная её бездыханного тела. Слезы сами собой льются из глаз. Горько плачет князь, пряча в ладонях лицо. Безутешен он. Не покоят его заверения терпяков, что болью покупается вечная жизнь. Предпочёл бы Борислав живой видеть свою супружницу, да здоровой, облегчённой от бремени, с чадом их на руках, а не мученицей.

– Соколица моя, – всхлипывая, шепчет он, – мудрая, чистая... Да за что ж тебе это!

Ведь сама же хотела в жертву себя принести, пострадать за других, как Мученик наказал! Дуреха!

Глупая девка!

– Эй, – вдруг доносится до Борислава из темноты глас, – кто там воет?

– А кто спрашивает? – откликается князь, утирая лицо от слёз рукавом. Думал он, что в темнице один-одинёшенек, да сыскался ещё какой-то несчастный. Чудно это – не припомнит Борислав, чтобы сюда кого-то сослал. Неужто узник этот со времен старого князя томится?

– Мирош меня звать, – отвечает невидимый человек, – звали когда-то. А ты кто таков будешь? И за что тебя? Чего хнычешь?

Говорит незнакомец тихо совсем, да сбивчиво, будто речь позабыл. Голос низкий и хриплый. Ищет князь глазами его источник, но в темнице не видно ни зги.

– Борислав я, – отвечает он, опустив княжеский титул, но не причину своего заточения, – я на ханского гада напал, что он супружницу мою порешил.

Молчит другой узник, шуршат лишь одёжа, да сырая солома, коей покрыт каменный пол.

– Прими Немизра к себе в Сырь убиенную, – шепчет незнакомец.

– Немизра? – огорошено повторяет Борислав, – это та, что богиня смерти у староверов? Отчего ж ты просишь её, а не Мученика?

– Она самая, – с сухим смешком откликается Мирош, – не признаю я божка терпячского. Кличником ходил при самом Чёрном тереме, им и помру. Да не знаешь ты, поди, что это такое...

Забывает Борислав о своём горе, услышав такую нелепицу.

– Знаю, – перебивает князь, – я читал старую грамоту, где про это написано. Только... как же это выходит? Чёрного терема давно нет в помине. Не выдумывай ерунды! Сколько ж лет тебе тогда, коли ты при нём служил? Двести?

– Не обучен я счёту, государь, – признается Мирош, – но, наверное, где-то так. На всё воля Богини. Пометила она меня, отводя смерть, чтобы сделал, что должно...

– И что тебе должно сделать? – интересуется Борислав, – в темнице сидеть и голову людям морочить?

– Отыскать, где закопали последнюю из хорониц, – отвечает узник, – чтобы помогла вернуть старых богов, и прекратилось это безобразие.

Хоть и согласен князь, что в нынешние времена творится сплошь «безобразие», он сочувствует помешательству несчастного. Вот же ж выдумка! Поди начитался сказок старых горемыка, да уверовал всей своей больной душой.

А как ещё скрасить годы заточения, будучи запертым в тёмном подземелье, как не думам предаваться?

Если не казнят Борислава за покушение на ханского выродка, так ждёт его та же судьбинushка. Сидеть ему тут, покуда дух не испустит. Хоть не один, и есть, кому за него помолиться. Что старым богам, что Мученику, всё равно.

– Что смолк? – окликает князя Мирош, – не веришь мне?

– Не верю, – признается Борислав, – чудно звучат твои речи.

– Правда твоя, – соглашается невидимый во тьме узник, – а коль я скажу, что и тебя Богиня отметила?

Печально смеётся князь. Выходит, недолго ему осталось по свету ходить. Вот-вот спустятся за ним люди ханские. Смерть ему уготована, раз самой хозяйкой Сыри помечен.

– Каким это образом? – всё-таки спрашивает он.

– Знак был тебе, – глаголет Мирош, – не видал ли ты накануне чёрного ворона?

– Видал! – восклицает князь, от волнения подпрыгнув на месте, – да откуда ж тебе знать!?

– Нюх у меня на подобные вещи, – спокойно заверяет Мирош, – я ж кличник, забыл? Многих из нас брали в деревнях супротив воли, но я сам в Чёрный терем пошёл. Отец и братья мои были кузнецы, научали и меня заниматься ремеслом. Но явился ко мне чёрный ворон, чтобы указать путь. Выходит, и ты годишься для службы Немизре.

– Отрадно слышать, – мрачно говорит Борислав, – только птица – лишь птица, а мы сидим с тобой под землей, и богиня твоя не торопится вызволять нас отсюда.

– На Богов надейся, да сам не плошай, – старой присказкой отвечает узник, – птиц разных здесь тьма, и я всех их знаю по голосам, но отродясь не водились вороны в наших краях. Знак это. И скоро придут за тобой. Коль останется голова твоя на плечах, воротись ко мне. Поведаю тебе, что надобно делать...

– Что надобно делать? – переспрашивает князь.

Не успевает Мирош ответить. Лязгает замок наверху, да со скрежетом отворяется тяжелая дверь. Озаряется светом узкая лестница, и жмурит Борислав очи, привыкшие к темноте. Слышит, как приближается, поступь чужая, и ханские люди переговариваются между собой на своём языке.

Тащат к лесенке князя, и, открыв глаза, силится он разглядеть того, кто скрасил ему время в ожидании казни. Не достает свет до дальних углов, вот и чудится Бориславу, что темница пуста, и никакого старовера здесь нету.

Только стоит князю оказаться снаружи, видит он черную птицу, восседающую на зубце крепостной стены Белояра.

Оглашает ворон округу своим хриплым кличем.

Глава вторая.

205 зим назад.

Не отстроился в ту пору ещё град Белояр, а в том месте, подле реки Леденицы, лишь безымянная деревенька лежала.

Селились там сплошь рыбаки и охотники, да люди, чьё ремесло пользу им приносило. Тёмные это были места – простирались в окрест топи и ельники, где, по преданиям, нечисть водилась. В тех глухих чашобах и стоял Чёрный терем, закрытый от всех, кроме хорониц да кличников, поступавших им во служение. Не принимали в тереме том гостей, а местные дальней дорогой его миновали. Знали, что там, не совались. Небылицы выдумывали о хороницах, ни мертвых, ни живых, да стращали ими малышню.

Впрочем, не до сказок было жителям слободы белоярской, не до бесов, – край суровый, земля мёрзлая, аки камень, не растёт ничего. Только и было помыслов, как дотянуть до весны на скудном урожае, ягоде, рыбе речной и вяленом мясе.

Вот и разъехались старшие сыновья кузнеца Любомира, только младший, Мирош, и остался отцу помогать. Да и тот с неохотой: не лежала душа к отцовскому ремеслу. А к чему лежала – неведомо. Оттого и прозвали младшего «отмороженным». Всё бы по лесу блуждать, да на печке валяться, внимая песням व्यюги за стенами избы. Кожа бледная и холодная даже в летнюю пору, словно зимой поцелован. Но не от хвори какой, а напротив: не страшился молодец самых лютых морозов.

Стужа ему приходилась по вкусу.

Поговаривали деревенские старожилы, что младший кузнеца – не людского роду, а подменыш бесовский. Мол, унесла малютку любомирского нечисть лесная, да оставила взамен своего: не то лешего выкормыша, не то шишиморы сына. Слишком уж не походил Мирош на остальных.

Не обижал Любомир всё равно сына.

Широкой была душа у него.

Кузнеца в деревне уважали, не злословили слишком. Девкам молодым – тем и вовсе мальчишка чудной люб приходился, хоть и не обращал на их вздохи Мирош внимания и гулять ходил только один. Старшие братья уж давно взяли жен, да настругали детишек, обосновавшись в посёлках южнее.

Мирошу словно это было без надобности.

А вот в день самый стылый, когда никто из избышки носу не кажет, за дровами для кузни пойти – то не нужно просить. Мил был Мирошу зимний лес – спящий, зачарованный. С охотой особой бежал он туда прочь из деревни.

Прочь от людей.

Только в этот раз снега столько нападало, что завязли плотно полозья саней.

Покуда молодец их откопал, спала тьма. Быстро темнеет в Зимороси, а по ночам в чашобе звери хозяйничают да нечистая сила. Надобно было домой воротиться, но под снегом скрылась тропа.

Видит Мирош ворона на ветке ели сидящего, от снега пушистой, и понимает, что дело не ладно.

Птицу эту присылает Немизра, коль недолго осталось по Яри ходить. Всем от мала до велика ведомо: так богиня тех помечает, кому вскорости хороницу ждать. Да не придёт сюда служилая по душу молодецкую, так здесь ему в снегу и лежать, без могилы, без погребальных обрядов. Дикие звери съедят аль бесы утащат.

Безотрадная судьба!

И не прознает никогда тятя, что случилось с младшим из его сыновей.

Кричит ворон и крылья чёрные расправляет. Летит, полоща перьями на ветру, а Мирош за ним. Быть может, выведет птица куда-то – не к людям, так напрямиком в Сырь. Поговаривали, что где-то в этих лесах и есть вход в загробное царство.

Но ни врат расписных из чёрного бруса, ни ворона уж не видать. Вокруг только мрак, да деревья, меж которыми разлит снег, что молоко.

«Вот и добегался по лесу», – досадливо думает Мирош. Не принёс тятё дров, лишь себя сгубил понапрасну.

Крепчает к ночи морозец.

Замечает вдруг юноша красный проблеск во тьме, приближается помаленьку. Зрит: алый плащ с капюшоном, что на девичьи плечи наброшен. А под ним – отроковица беловолосая сидит на снегу, свечку в подставке и какую-то утварь пред собой разложив. Молвит что-то вполголоса.

– Мёду тебе принесла, да хлеба немного, – шепчет она, – знаю, чужды вам кушанья чело-вечи, да что в тереме было, то и взяла.

Умолкает, словно дожидаясь ответа. Не слышать Мирошу ничего. Девушка то одна на полянке! Продолжает, только слов совсем не разобрать.

Затем кланяется низко и встаёт.

– После приду, – чуть громче глаголет она, будто с кем-то прощаясь, – надобно воро-титься, пока не хватились.

И припускает во тьму. Ступает легко, что даже снег не хрустит. Бросив сани, Мирош мчится за ней, по пояс увязая в сугробе.

– Эй! – зовёт он, – стой! Что ж ты по лесу рыщешь в потёмках? Кто ж такая?

Встает девушка и к нему воротится. Застывает Мирош на месте, разглядев её в свете свечи – коса и лик снега белее, губы синюшные, очи туманные, словно у бесовского отродья какого. Поражается молодец догадке своей: хороница – вот, кто, не иначе, ему повстречался.

Как представилась матушка Мироша, заявлялась на порог к ним сестрица-хороница. Хороши все они, как на подбор, да краса их мёртвая, не человеческая. Холодны этих женщин сердца, да не вздымается от вздохов грудь. После обряда, говорят, они боле нечисть, чем люди. Мёртвые, не живые.

– Мне дозволено, – откликается девушка, – ну а ты, смертный, что здесь позабыл? Гибели ищешь?

– Заплутал, – признается Мирош.

Делает шаг девушка к нему, да протягивает бледную длань. Плёнкой подернутые очи смы-кает.

– Нет, – молвит, – время твоё ещё не пришло.

Глядят на Мироша бледные глаза с сожалением, а тонкие персты капюшон плаща поправ-ляют. Кивком лёгким зовет девушка с собой.

– Ступай за мной, смертный, – велит она, – в Чёрный терем. Переночуешь у кличников. Только тихо сиди, да не чуди. Не престало, чтоб другие смертные подле нас шлялись. Но так тому и быть, если Богиня тебя пока не зовёт.

– Благодарствую, госпожа, – откликается Мирош, припомнив, что с почтением к служи-тельницам Немизры обращаться положено. Осерчает – не сносить головы. Пусть и выглядит юной и славной, аки деревенская девка, но не чета ему эта особа.

Смело шествует девушка по лесу, так что молодец едва за ней поспевает. Глубоко просе-дают валенки в рыхлый снег. Она же – будто летит над ним, плащом вздымая снежинки.

– Извиняйте, что любопытствую, – молвит Мирош, – но с кем вы там беседу вели?

– Не извиняю, – со смешком отвечает хороница, – впрочем... всё же скажу, чтоб у тебя отбилась охота впредь соваться в эти места. Хозяину леса принесла подношения, кабы зверьё своё придержал, и не тягало оно наших курей и скотину.

– Правду, значит, о вас говорят, что вы, сёстры, с бесами знаете? – изумляется юноша, – и что же... они вам показываются?

– А отчего не показываться? – говорит девица, – мы ж и сами от них ушли недалече. Но довольно. Не терплю пустой болтовни.

«Вот так диво!» – не перестает Мирош восхищаться. Словно в сказку какую попал, где все выдумки деревенские явью становятся. И хороница, и друзья её нечестивые. И... Чёрный терем во всей красе.

Высится меж сосен, аки мельница, сложен из чёрного бруса. Свечки в оконцах горят, а наличники красным раскрашены. Череп козий над дверью висит, а в окрест столбцы, все в письменах.

Ступает девица на крылечко, да трясет головой.

– Дальше нельзя тебе смертный, – объясняет она, – там, с чёрного хода, в пристройке комнатка кличников, туда и иди...

Не успевает закончить она: дверца отворяется. На пороге сестрица – также беловолоса и облачена в красный плащ поверх тёмной одежды. Строго смотрят дымные очи.

– И где опять тебя носило, Велена? – вопрошает она с осуждением, замечает Мироша и брови хмурит, – а это ещё кто таков?

– Отрок деревенский приبلудился, – отвечает девица, – к нам забрала, чтоб не помёрз иль зверь не сожрал. Богине ещё он без надобности.

«Отрок!» – возмущается Мирош про себя. В его годы тятя уже со старшим сыном возился, да для этих особ всё иначе. Что им короткая смертная жизнь, коли веками они по Яри блуждают? В Сырь, к Богине своей, отходят только, если убьют, да и это, по слухам, непросто.

– Подойди, – повелевает старшая хороница. Нерешительно шагает юноша на крылечко. Возлагает хороница ладонь ему на чело ниже шапки.

– Надо же, – молвит она, – твоя правда, Велена. Только рано его ты к нам привела, не поспел ещё.

– Как понимать это, госпожа? – тихо спрашивает Мирош хороницу.

– Воротишься к нам, – отвечает она, – через несколько зим, кличником быть. Ты помечен Немизрой.

Не ждал молодец такое услышать, но что-то в душе его откликается, будто всегда это знал.

Думается ему, что всё правда, что об этих женщинах говорят: прикосновение хороницы прикосновению самой смерти подобно. Никакой самый лютый мороз так кожу не холодит, как её длань на лбу.

Убирает она её и в Чёрный терем уходит.

Велена за ней.

Поворачивается на пороге девица, чтоб последний раз на Мироша посмотреть, но пустой её взгляд и зябкий. Не была для нее эта встреча такой судьбоносной, как для него. Потому и запомнил Мирош на долгие годы эту картину: её бледный лик, озарённый светом из терема, в облачке лёгком дыма печного.

Вокруг тьма, лишь она и бела.

Хоть и прежде ни одна девица не трогала молодцу сердце, теперь точно забыты они, живые, румяные. Не видал никогда Мирош краше той, что от кончины спасла его этой ночью. Только и жил, что надеждой на новую встречу.

200 зим назад.

Как не стало старого кузнеца, Мирош в путь собирается. Оpoznал он хороницу, явившуюся воздать Любомиру последние почести, ту самую, что когда-то и обозначила волю Богини.

Отошли дом и кузница старшему брату с супругой. Только порадовались они, услышав, что «отмороженный» младший в Чёрный терем отправится и будет там, покуда дух не испустит.

На всё воля Богов. Коль призвала Немизра к себе его, так тому и быть. Ходил и прежде Мирош чужим средь людей.

Да ждала его печаль по прибытию в терем: не сыскалось средь хорониц девицы Велены. Уж год, как отбыла она повинность служить в центральные княжества велигорские, да не ведали сёстры о её судьбе. Редко когда ворочались в Чёрный терем хороницы, свой срок там пробывшие, а коли ворочались – да на покой. В кувшине с пеплом для погребения.

Утешал себя молодец, что всё к лучшему: не будет краса Велены его отвлекать, да морочить голову. Намеревался он служить Немизре верой и правдой, а не на полумёртвую девку заглядываться.

Заглядываться, да что толку?

Не ходят хороницы под венец, не носят под сердцем детей, не становятся хозяйками дому. Даже ложе со смертными им нельзя разделить, строго это порицается. Для другого они рождены, как бы не были собой хороши и глазу приятны.

Только попусту горевать о том, чему никогда не бывать.

Да и отличен от остальных кличников Мирош: супротив воли пришли в Чёрный терем они, из бедных семей и от жизни тяжёлой, на него же Богиня сама указала, что немалая честь.

Объяснили хороницы, что, избранников, подобных ему, Боги щедро за прилежную службу одаривают.

Заберут из холопов Чёрного терема, да ремеслу особому обучат: быть тогда не кличником Мирошу, а ведуну. А ведуны, как известно, людей могут исцелять, с мёртвыми беседы вести, да со зверем лесным и бесами знаться. Нет границы для них меж Сырью и Ярью. Много знаний открыто им, творят заговоры и колдовство во славу Богов.

Вот и трудится Мирош исправно пару зим, прежде чем слышит снова имя Велены. Накануне прибыла отроковица Ярина из Старой Сольвы, что куда южнее поселения белоярского, чтоб вскорости пройти обряд, да хороницей стать.

Посадили её старшие хороницы пост блюсти, а сами заговорили, что Велену надобно вызвать сюда, ведь девчушка эта – родная её сестрица. Кто, как не старшая сестра, обустроиться Ярине поможет в Чёрном тереме? Не случалось прежде, чтоб выделяла Немизра общую кровь, с почётом стоит это принимать. Уважить волю Богини.

Но покуда до Корчевицы добрался гонец, уж минуло полмесяца. Осталось Ярине поститься лишь пару дней.

Является Велена почти к ритуалу.

Забирает Мирош коня у неё. Не узнает девица его, да и толком не глядит в его сторону. Кличники для хорониц – прислуга, безлика, безымянная, презренные смертные, чей век короток и внимания не достоин. Зато удаётся Мирошу всласть полюбоваться Веленой: кажется она ещё краше, чем была, хоть совсем не изменилась.

Говорят, входит при обряде Немизра в тело хороницы, и достают их из Земли уже обновлёнными. Воплощением Богини те девки становятся. Не стареют, и похожи меж собой, да все хороши. Но проступает в чертах у каждой что-то своё, исконное, сохранённое. Примечает это Мирош, когда остальным невдомёк.

Коль поставить сестёр в ряд перед другими, не опознают, кто есть кто. Мирош же сможет каждую поименно назвать, а Велену особо. Ему её не забыть.

А она забыла.

Сразу держит путь Велена в снеженный лес, даже в Чёрный терем не заглянув, видимо, с друзьями своими бесовскими повидаться. Да прячутся зимой они, никто не выходит. Молча блуждает меж деревьев девица, а Мирош, за нею пошедший, поодаль держится, видя её плащ, алый, что кровь на снегу.

«Позволено ли её окликнуть? – размышляет он, – иль разгневается, что кличник недостойный служительницу Богини от дум отвлекает?»

Хочется молодцу хороницу расспросить, где была, где служила, что видала, да как жила эти годы. Только правильно ли это – молвить «как жила», коли она уже давно не живет?

Холодны её очи, кожа и сердце, а ланиты трупной синевой отдают.

Всё равно приятна взгляду Велена – с её гибким станом и длинной белой косой.

Щемит сердце в груди. Верно Мирош полагал, что лучше б не встречать её сызнава. В прежнюю пору отроком он был неразумным, теперь же вскипела кровь молодецкая. Как дальше служить, когда манит краса её недоступная? Чует Мирош, что покоя отныне ему не видать.

Уж не стать ведунном, коли берёт верх людское.

«Беда, – горько думается ему, – почто ж ты вернулась, Велена?»

А как средь ночи после обряда являются чужаки, винит Мирош себя: это он прогневал Богов, возжелав то, что им принадлежит.

Полыхает костром Чёрный терем, да видать зарево с любой стороны.

Небо красное-красное.

Уходит Мирош в лес дальше и дальше, покуда не смолкают чужеземцев голоса. Не бежит он, подобно трусливому зайцу, а выжидает. Как восвояси выродки уберутся, так воротится кличник. Сёстрам, что в тереме, уж не помочь, но Велене земля не во вред. Полежит в той могиле, что Мирош сам выкопал, лишь сохраннее будет. Уж доводилось девице это проходить. Чужакам то неведомо, что по правде не живые хороницы.

Пусть себе думают гниды, что убили ведьму презренную.

Да кто ж будут они таковы, эти ползучие гады, что на Богов и их служительниц посмели роптать? Откуда взялись в Зимороси, куда не каждый купец доберётся? Глухой этот край, тёмный и дикий. Отродясь сюда никто не совался. Выходит, намерено рыскали по лесам, чтобы сыскать Чёрный терем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.